

PF 2020 (75/2): 59–77

ISSN 0138-0567

Creative Commons (3.0 BY-NC-ND)

<https://doi.org/10.32798/pf.683>

АЛЛА А. КОЖИНОВА

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

e-mail: kozhinstar@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0002-5498-7037>

ЕЛЕНА С. СУРКОВА

независимый исследователь, Торонто, Канада

e-mail: asourkova@gmail.com¹

О ПРОБЛЕМЕ КАНОНИЧЕСКИХ КОНТЕКСТОВ
БИБЛЕЙСКОГО ПЕРЕВОДА
(НА МАТЕРИАЛЕ ПЕРЕВОДНЫХ ВЕРСИЙ
КНИГИ ИОВА II ПОЛ. XV–XVI ВВ.)

ON THE PROBLEM OF CANONICAL CONTEXTS OF BIBLE
TRANSLATION (ON THE BASIS OF 15TH AND 16TH CENTURY
TRANSLATIONS OF THE BOOK OF JOB)

ABSTRACT: The present article is concerned with the linguistic aspects of the Book of Job's translations within their canonical contexts. Lexical correspondences to the Hebrew, Greek or Latin originals in Church Slavonic, Polish, and Ruthenian (*prosta(ja) mova*) are compared on the material of *Vilnius Old Testament Florilegium* (F 19–262) (approx. 1517–1533), the Radzivil Bible (*Biblia radziwiłłowska*) (1563), the Nesvizh Bible (*Biblia nieświeska*) (1568–72) by Symon Budny, *Bible* (*Biblia Ruska*) (1517–1519) by Francis Skoryna, and *Ostrog Bible* (1580–1581) by Ivan Fyodorov. Establishing the similitude and difference between the texts of the original biblical culture, the translators of the church culture created a new synthesis of their interpretations, including their exegetical and cultural values. On the other hand, describing translations parallel to the original Hebrew

¹ Как концепция, так и создание данной публикации принадлежит обоим авторам в равной мере, процентный вклад в публикацию каждого из авторов оценивается в 50%.

text or to the main church-canonized translation, one can see the tendency of influence and interrelation between the new translations that belong to different confessions.

KEYWORDS: *The Book of Job, the Vilnius Old Testament Florilegium* (F 19–262), *Bible (Biblia ruska)* by Francis Skoryna, *The Radzivill (Brest) Bible*, *The Nesvizh Bible*, *Ostrog Bible* by Ivan Fyodorov

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Книга Иова, Виленский ветхозаветный свод (F 19–262), Библия Франциска Скорины, Радзивилловская (Брестская) библия, Острожская библия

SŁOWA KLUCZOWE: *Księga Hioba, Wileński Kodeks Starotestamentowy* (F 19–262), *Biblia (Biblia ruska)* Franciszka Skaryny, *Biblia radziwiłłowska (brzeska)*, *Biblia nieświeska*, *Biblia ostrogska*

1. Введение. Процесс перевода, имеющий на выходе единый конечный текст, с самого начала сталкивается с вариативностью интерпретации оригинала, что предполагает выбор тех или иных переводческих стратегий и конкретных решений. В случае с переводом библейского текста к структурно-семантическому разнообразию добавляется такая проблема, как вариативность исходного текста в пределах его канонических контекстов.

Понятие *канонический контекст* (*canonical context*) ввел в научный обиход один из самых влиятельных библеистов XX в. Бревард С. Чайлдс (см. Childs 1970; Childs 1979; Childs 1985). Противопоставляя традиционному историко-критическому методу изучения Св. Писания новый герменевтический подход, в основу которого положено представление о Ветхом и Новом Заветах как о завершенных канонических текстах, составляющих единое целое, Б.С. Чайлдс утверждает, что их интерпретация будет зависеть от того специфического контекста, в котором они возникли и функционируют. При этом *канонический* контекст следует отличать от *исходного* (*original context*) – того исторического контекста, в пределах которого было создано Св. Писание раввинистической традиции. Соответственно, канонический контекст будет определяться догматическими установками той конфессии, внутри которой функционирует тот или иной корпус. Так, восприятие христианами богословами книг Ветхого Завета обусловлено догматикой Нового Завета, а новый христианский канонический контекст отличается от исходного иудейского уже на стадии формирования самого библейского канона: христианский Ветхий Завет помимо всех книг иудейского Танаха (с его тремя разделами – Торой („Закон”), Невиим („Пророки”) и Кетувим („Писания”)) включает еще и книги Александрийского

кодекса, отсутствующие в Танахе. Последующее разделение христианской Церкви повлекло за собой пересмотр состава канонических книг, в результате чего библейские каноны православной и католической церквей стали опираться соответственно на Септуагинту и Вульгату, а протестантский Ветхий Завет был создан в соответствии с раввинистическим каноном, отличаясь от него только порядком следования книг и их разделения.

Процесс формирования новых канонических контекстов и их взаимодействие с исходными следует изучать системно и последовательно – «в определенные исторические периоды, с учетом культурно обусловленных особенностей языка и мышления, сквозь призму личностей отдельных авторов и редакторов» (Childs 1970, p. 162). Одно из центральных мест в таком исследовании необходимо отвести истории библейских переводов.

1.1. Канонический контекст библейского перевода. Самые первые древние переводы Танаха – арамейские таргумы и греческая Септуагинта (LXX) – в силу своей специфики были дистанцированы от подлинника. Арамейские таргумы до IV–V вв. н.э. представляли собой не столько буквальные переводы, сколько парафразы с комментариями и дополнениями к библейскому тексту. Воплощая в себе концепцию *Устной Торы*, таргумы не заменяли собой оригинальный библейский текст, но лишь воспроизводили некоторые его черты. Возникший же в среде эллинизированного иудаизма перевод LXX был «втелесен в христианской Церкви» (Феофан Затворник) и стал основным нормативным текстом Ветхого Завета на востоке христианского мира. В связи с этим вопрос об отношении переводов, функционирующих в новых канонических контекстах, к своему оригиналу ставился довольно остро на протяжении всей истории библейских переводов.

Об этом, в частности, свидетельствует активная полемика между Иеронимом Стридонским (347–420) и Аврелием Августином (354–430) в связи с намерением первого делать латинский перевод книг Ветхого Завета непосредственно с древнееврейского оригинала с привлечением Септуагинты в редакции «Гекзапл». Иероним называл этот перевод «переводом согласно еврейской истине» (*juxta hebraeicam veritatem*) и полагал, что он сможет служить вспомогательным средством для лучшего понимания текста LXX и для полемики с иудеями.

Блаженный Августин оспаривал целесообразность использования древнееврейского источника как средства исправления греческого текста, аргументируя свою позицию тем, что Септуагинта уже стала Ветхим Заветом христианской Церкви и была явлена в Новом Завете. А поскольку несоответствия греческого перевода древнееврейскому оригиналу объясняются действием Св. Духа, обращение к исходному тексту будет означать

возврат к дохристианской форме Божественного откровения. Иероним, отвечая на аргументы Августина, настаивал на том, что в целях укрепления веры необходимо прояснить смысл затемненных фрагментов Септуагинты, а это возможно только за счет правильного понимания древнееврейского источника (см. Sidorenko 2009).

В терминах *канонического* и *исходного* контекстов суть этой полемики в том, что Августин полагал, что христианский канонический контекст отрицает всякую необходимость обращения к предшествующей текстовой традиции. Иероним, наоборот, подчеркивал важность осмысленной интерпретации оригинального контекста, в границах которого создавался раввинистический библейский канон.

Приводя эту историческую параллель, Б.С. Чайлдс соглашается с позицией Августина и считает, что новый канонический контекст, в котором функционирует Септуагинта, целиком обусловлен христианской догматикой. Однако последний аргумент Иеронима признается им в высшей степени справедливым, поскольку означает, что „канон как руководство, в соответствии с которым христианская Церковь должна читать своё Св. Писание, не может заслонять собой те исходные установки, с которыми Бог обращался к Своему народу” (Childs 1970, p. 183). Для этого необходимо гармонизировать греческий перевод относительно древнееврейского оригинала.

Эта дискуссия в той или иной степени обусловила последующие концепции библейского перевода, а выбор между „духом или буквой” в качестве основополагающего принципа переводческой деятельности фактически отражает позицию переводчика по отношению к актуальному для его конфессии каноническому контексту относительно исходного канона.

Изучение истории перевода отдельных книг Ветхого Завета сквозь призму канонических контекстов, на наш взгляд, позволит объяснить выбор конкретными переводчиками тех или иных переводческих решений, которые были обусловлены интерпретацией каждого отдельного текстового фрагмента либо с учетом исходного библейского контекста, либо исключительно в рамках того контекста, который был закреплен канонами отдельной христианской конфессии.

2.1. Переводы Ветхого Завета в Великом княжестве Литовском (II пол. XV–XVI вв.) и их канонические контексты. Несомненный интерес представляют некоторые тенденции, характерные для работы переводчиков разной конфессиональной принадлежности, которые занимались переводами Ветхого Завета в Великом княжестве Литовском (1240-е гг. – 1795) (далее – ВКЛ) во II половине XV–XVI вв. Именно в этот период истории ВКЛ как этнополитической консолидации особого типа был реализован тот опыт

государственного, межкультурного, религиозного развития, на котором „лежала печать „вселенскости“, той широты, терпимости и взаимоприемлемости, которые предполагают большие потенции” (Торогов 1999, s. 26).

Сосуществование и разумное взаимодействие разных культур – литовской, белорусской, украинской, польской, еврейской, немецкой, татарской и др., а также имевший место „симбиоз вер и языков» повлияли на то, что „проблема письменности была основной для соотнесения языковых и религиозных традиций” (Ivanov 2003, s. 281). Знаковой для развития письменности ВКЛ во II пол. XV–XVI вв. стала широкомасштабная работа по переводу и исправлению библейских и литургических книг.

2.1.1. Так, с одной стороны, в это время на востоке ареала *Slavia Orthodoxa* осуществлялась систематическая книжная справа, результатом которой стало издание Иваном Федоровым печатной *Острожской библии* (1580–1581). Эта библия представляла собой исправленное издание *Геннадиевской библии* (1499) – первого полного свода библейских книг, ставшего основой кириллических печатных изданий Ветхого и Нового Заветов на восточнославянских землях. Книги Геннадиевской библии сверялись с оригиналами, которые удалось доставить в Острог. Правщики имели в своем распоряжении древнееврейские, греческие и латинские тексты, но поскольку издание Ивана Федорова предназначалось для православных верующих, исходными были греческие оригиналы. В основу большей части ветхозаветных книг и Геннадиевской, и Острожской библий положены мифодиевские и околемефодиевские переводы, сделанные с Септуагинты (LXX). Таким образом, канонический контекст книг Ветхого Завета Острожской библии определялся греко-славянской догматической, языковой и культурной традицией.

2.1.2. С другой стороны, XVI в. в ВКЛ – время распространения идей Реформации и образования **протестантских церквей**. Основные реформационные течения в ВКЛ – кальвинизм, антитринитаризм и лютеранство – в 50–60-е гг. XVI в. оформились в самостоятельные церкви. Протестанты, которые способствовали развитию просвещения в ВКЛ и были носителями польской культуры, осуществили перевод Библии на польский язык (это кальвинистская *Брестская (Радзивилловская) библия* (1563), а также *Несвижская библия* (1572) и *Новый Завет* с комментариями антитринитария Сымона Будного (1574)). Книги Ветхого Завета переводились с древнееврейского языка, в основу перевода положен масоретский текст (MT).

При создании Радзивилловской библии интерпретация исходного текста осуществлялась с позиций богословской системы Жана Кальвина (1509–1564) и под влиянием его комментариев, которые он оставил

практически для всех библейских книг. Древнееврейский оригинал, таким образом, толковался в контексте канона кальвинистской церкви.

Издание Несвижской библии стало результатом критической реакции на Радзивилловскую библию перешедшего в социнианство Сымона (Симона) Будного (1530–1593). Сопоставляя варианты библейских книг на греческом, латинском, церковнославянском, французском, немецком, чешском, *простой мове*, а также отслеживая неточности польского перевода в Радзивилловской библии, Будный стремился создать максимально близкий к оригиналу текст с позиций того рационалистического вероучения, которое впоследствии будет закреплено как доктрина методистской церкви.

2.1.3. В это же время на территории Великого княжества Литовского возникли библейские **переводы, изначально не предназначавшиеся для литургического употребления**. Эти переводы были инициированы, как правило, светскими лицами и выполнены с разных языков на *просту(ю) мову*, которая на фоне функционирования почти 20 языков ВКЛ (Ivanov 2003, s. 261) имела статус литературного языка, обслуживавшего широкие коммуникативные сферы. Ее формирование возможно отнести к середине XV в., когда „был переведен (сразу с трех или даже четырех разных языков²) целый ряд светских и церковных текстов, в том числе сакральных” (Temchinas 2012, s. 50).

Среди таких переводов особое место занимает *Бивлия руска* Франциска Скорины (1517–1519), которая стала раннепечатным изданием у восточных славян. Возникшая в поликонфессиональной среде, в том числе под влиянием инноваций протестантизма, библия предназначалась **БОГЪ КО ЧТНН Ъ ЛЮДЕМЪ ПДПОЛНГЫМЪ К ДОБРОМЪ НАДЧЕННЮ**. Созданный с просветительскими целями перевод книг Ветхого Завета был рассчитан на любого читателя, занимавшегося домашним чтением, а лучшему усвоению текста должны были помочь глоссы и предисловия к книгам, которые Ф. Скорина составил без отсылки к какой-либо одной традиции библейской экзегезы. В его предисловиях совмещаются положения византийской патристики и сентенции латинских теологов.

Перевод Ф. Скорины был основан на венецианском издании (1506 г.) чешской Библии (чешского текста Вульгаты) (Vladimirov 1888, s. 171; Florovskii 1946, s. 172) при мощном влиянии церковнославянского текста. И хотя большинство исследователей не сомневается, что он имел православленную основу (Alekseev 1999, p. 203), нельзя не принять во внимание единственное сохранившееся высказывание униатского архимандрита Анастасия Антония Селявы, обращенное к православным (1622 г): „Перед

² Древнееврейского, церковнославянского, латинского и польского.

унией был Скорина, еретик-гусит, который для вас печатал в Праге книги по-русски” (цит. по: Nemirovskii 1990).

Таким образом, перевод книг Ветхого Завета, выполненный Франциском Скориной, в основном следовал за Вульгатой, но при необходимости восточнославянский первопечатник и просветитель сохранял в переводе результаты собственных филологических и герменевтических изысканий.

2.1.4. К значительным переводческим проектам второй половины XV в. в Великом княжестве Литовском следует отнести работу над созданием полного текста **иудейского Танаха** на *простой мове* (см. Temchin 2011). Ветхозаветные тексты переводились с масоретского текста (МТ) кем-то из высокообразованных членов еврейской общины для нужд синагогального богослужения.

Отдельные книги в этом переводе сохранились в составе рукописного Виленского кодекса, известного в единственном списке нач. XVI в. (БАН Литвы, F 19–262). Сюда включен сборник из 9-ти библейских книг (так называемый Виленский ветхозаветный свод³). Рукопись была переписана между 1517–1533 гг. и предназначалась для православных верующих Великого княжества Литовского (она хранилась в библиотеке Супрасльского монастыря). Однако оригинальный перевод ветхозаветных книг был сделан примерно на полстолетия раньше и был рассчитан на тех иудеев, которые затруднялись читать и понимать Писание на иврите.

Некоторые реконструированные черты культурного портрета переводчика(ов) указывают на то, что им мог быть человек, хорошо знакомый с масоретской традицией и раввинистической экзегезой. Как показали исследования (Kozhinowa, Surkova 2018; Kozhinowa, Surkova 2019), переводчик(и) использовал для восстановления исходных значений не только масоретский оригинал, но также, по всей видимости, обращался к комментариям к Танаху Раши (Рабейна Шломо Ицхаки (1040–1105), Саадии Гаона (882–942) и Леви бен Гершома (1288–1344), которые были для него настолько авторитетными, что некоторые исправления делались под влиянием этих комментариев.

3.1. Переводы Книги Иова в контексте канона. На материале, извлеченном из переводных версий Книги Иова, выполненных иудейским(и) и протестантскими переводчиками, а также православными правщиками, мы рассмотрим, каким образом канонические контексты разных конфессиональных традиций определяли выбор тех или иных переводческих решений. Книга Иова представляется особенно интересным источником,

³ Виленский ветхозаветный свод содержит “список из пяти свитков” (меггилот) – Книгу Руфь, Песнь песней, Экклезиаст, Плач Иеремии и Книгу Есфирь, а также Книгу Иова, Книгу Даниила, Книгу притчей Соломоновых и Псалтирь.

поскольку исключительное богатство и разнообразие словника, ее сложная структура и метафоричность обусловили присутствие в ней “темных мест”, которые до сих пор создают трудности для интерпретации.

3.1.1. Далее мы приведем несколько примеров, которые, на наш взгляд, свидетельствуют об очевидном влиянии канонических контекстов разноконфессиональных библейских переводов на переводческие решения.

3.1.1.1. Так, стих Иов. 38.36, который переведен в Виленском ветхозаветном своде следующим образом:

Vil. **или хто да⁴ смыслом⁸ розум^ь.**

Форма **смыслом⁸** представляет собой перевод др.-евр. **יִשְׁכֹּן** (< **יִשְׁכֹּן**), обусловленный следующим комментарием: „כֹּן, это имя, прилагаемое к наблюдению и просмотру... Здесь подразумевается способность ума, который является наблюдателем” (Lassen 1946, 238).

Именно как слово, связанное с обозначением ментальных способностей, понял **יִשְׁכֹּן** Симон Будный, переведя стих своеобразной *figura etymologica*:

Bud. Kto dal rozumowi wyrozumienie.

V. Гезениус, проводя для этого гапакса библейские параллели, полагал, что в данном фрагменте он может обозначать не только ментальные способности, но и органы, их осуществляющие, причем как мозг, так и сердце (Gesenius 1882, 1010). Именно такое представление встречаем в Радзивилловской библии и у Жана Кальвина⁴:

Radz. Któż postanowił we wnętrzościach ludzkich mądrość, a kto dał sercu zrozumienie?

Calv. Qui est-ce qui a mis la sagesse au coeur, et qui luy a donné l'intelligence.

На первый взгляд, создается впечатление, что и в Острожской библии в данной позиции использовано существительное, представляющее ментальные процессы:

Ostr. **или из мечтáнїа многїа хїтрость.**

Однако в данном случае форма **из мечтáнїа** переводит форму *ἡ ποιητικὴν*, отглагольное образование, связанное с обозначением вышивки (Lange 1872), что соответствует одному из значений слова *мечтание* – ‘пестрота, пестрый узор, вышивка’ (Filin, 9, 1982, s. 136).

У Скорины же здесь совершенно иное прочтение фрагмента:

⁴ Здесь отличие в лексической структуре всего стиха не позволяет усмотреть у брестских переводчиков прямое следование французскому тексту.

Skor. или кто далъ петухови разумность,

появившееся из Вульгаты (*vel quis dedit gallo intellegentiam*) через посредничество Венецианской библии (*nebo kto dal kohútowi rozumnost*). И именно такое прочтение совпадает с тем, что предлагают комментарии Раши: „евр. לִשְׂכִּי. Это петух на языке мудрецов” (*The Complete Jewish Bible with Rashi Commentary [Electronic resource 1]*). Действительно, определить значение слова-гапакса достаточно трудно. В данном случае словарь библейского иврита предлагает толкование ‘небесное явление, метеор’, а также, возможно, ‘петух’ на основании значения этого слова в позднем иврите (Brown etc. 1951, p. 967). Скорее всего, именно последнее повлияло на перевод, представленный в Вульгате.

В стихе Иов 3.5 семантику глагола, лежащего в основе имени, польские переводчики представили и при переводе *har. leg. קָמַרְיָר*. Это существительное, значение которого в словаре определяют как ‘чернота, мрачность, тьма’, реконструируя (на основе сравнения с сирийскими формами) гипотетический корень *קָמַר* ‘черный, темный’ (Brown etc. 1951, p. 485), как предполагает Дж. Стронг, может происходить от глагола *קָמַר* со значением ‘быть зажженным, быть (становиться) черным, (горячим), также эмоционально’ (*Blue letter Bible (Electronic resource)*). Именно этот глагол переводчики Радзивилловской библии и Сымон Будный положили в основу значения данной формы, поскольку использовали при переводе существительное *gorącość*:

Radz. Niechaj go oszpeczą ciemności i cień śmierci, niechaj go ogarną obłoki, a niechaj będzie straszny dla **gorącości** dni;

Bud. niech go oszpecić ciemność y cień śmierci / niech go ogarną obłoki / á niech będzie straszny dla **gorącości** dni.

Что же касается перевода из Виленского ветхозаветного свода, то в нем очевидно влияние иудаистической традиции. Здесь мы читаем:

Vił. зморали^е ёго тма̂ њ тѣ^н смертныи. Ѡпочивала^е на̂ нимъ х̂мара. с̂полошали^е ёго̂ іакоже полѣдѣнки днѡвы.

Слово **полѣдѣнки**, безусловно, появляется под влиянием толкования Раши, писавшего: „как демоны дня: евр. קָמַרְיָר, демоны, которые правят в полдень, например, (Втор. 32: 34), „кетев мерири”, который правит в полдень; как сказано (Пс. 91: 6): „от кетева, который правит в полдень”” (*The Complete Jewish Bible with Rashi Commentary (Electronic resource 2)*), ср. в связи с этим **ото сѣриаштѣа і дѣмона полѣдѣнего** (Sin. 91 (90), 6) в первом славянском переводе Псалтири.

3.1.1.2. В рассматриваемых нами переводах стих Иов 9.9 выглядит следующим образом:

Vil. твѡрѡ" ѡшы кесил' ѡ хима ѡ кѡморы ѡгѡвы

Bud. czyni woz (niebieski) Orioná y báby y gwiazdy południowe

Radz. Który sprawił Akturum i Oriona i Hijady i strony południowe

Genn. твораѡѡ власожельца, ѡпроходѡѡнарекътѡѡ, ранюжьналожѡ

Ostrog. твораѡѡ власожельца, ѡпроходѡѡ нареѡ (перенос на следующую строку)
пѡѡ, раѡѡ ѡжьѡ наложѡ

Skor. онъже сътвориѡѡ звѡзды рекомыѡ возъѡ, ѡзвезды рекомыѡ власожелци
ѡпроходѡѡ, ѡвнутренѡѡѡ полудѡѡ

Ven. kterýž puofbij hwiezdy rzeczéné wuoz. a hwiezdy koffuow profuczné. a hwiezdy rzeczéné furzáka. a wnitrznije wieczy polednije.

Этот стих представляет интересный фрагмент космогонии Книги Иова, в котором представлены астрономы – שׁוֹרִי [ah'-yish] 'Большая Медведица', לְרִשָּׁא [kes-él] 'Орион' и תְּמָדָ [kē-mä] 'Плеяды'.

Из приведенных выше примеров видим, что в иудейском переводе Вилленского ветхозаветного свода эти названия сохранены в версии масоретского текста – они, скорее всего, затранскрибированы, поскольку до сих пор точно неизвестно, как произносились слова в различных иудейских сообществах.

Симон Будный также ориентировался на масоретский текст, по крайней мере, в порядке следования созвездий, но постарался, по крайней мере, два созвездия представить по-польски: Большая Медведица – *wóz* и *baby* 'созвездие Плеяды' (SPXVI (Zasób elektroniczny 1)), поскольку, как известно, к его „заслугам относится привязанность к национальному языку” (Pietkiewicz 2003, 255).

Какой версии следовали создатели Радзивилловской библии, трудно сказать. С одной стороны, во французской Библии Жана Кальвина читаем: *qui a fait Arkturus, et Orion, et les Hyades, et les chambres du Midi* (Calv. 687), где показательным является наименование последнего созвездия – Гиады, то есть так, как в Радзивилловской библии, но в отличие от масоретского текста и LXX (ср. ὁ ποιῶν Πλειάδα καὶ ἔσπερον καὶ ἀρκτοῦρον καὶ ταμίεια νότου), где нет названия этого созвездия. Однако оно есть еще в одной классической версии – в Вульгате, где читаем: *Qui facit Arcturum et Oriona et Hyadas et interiora austri*. Такое сопоставление особенно интересно в свете того, что было сказано выше, когда Радзивилловская (по отношению к которой Будный хронологически вторичен) приводит перевод, структурно соответствующий Вульгате.

Следует, однако, сказать, что в переводе брестских кальвинистов в заключительной части стиха появляется собственная версия – *strony południowe*, хотя и в Вульгате, и у Кальвина видим достаточно точное представление др.-евр. ׀ַן־רִיבֹּוֹן ‘внутренние комнаты (тайники) юга’ (место, где, как представляется, хранятся созвездия (Brown etc. 1951, 293)). Кстати, Будный этот фрагмент перевел исключительно по контексту, и в таком же виде мы его встречаем в версии иезуита Якуба Вуека, переводе, надолго определившем представление поляков о библейском тексте:

Wuj. *Który czyni wóz niebieski, kosy i baby i gwiazdy południowe.*

В LXX порядок следования созвездий иной – Плеяды представлены в начале перечисления ($\delta\ \rho\iota\omega\nu\ \text{Πλειάδα}\ \kappa\alpha\iota\ \xi\sigma\tau\epsilon\rho\omega\nu\ \kappa\alpha\iota\ \alpha\rho\kappa\tau\omicron\upsilon\rho\omega\nu$), и именно этот порядок соблюден в церковнославянской версии Геннадиевской и Острожской библий. На первом месте там стоит номинация **власожльць** – церковнославянское название Плеяд (Filin (gl. red.) 1975, 2, s. 216), греч. $\xi\sigma\tau\epsilon\rho\omega\varsigma$ ‘вечерняя звезда’ (Veysman 1899, s. 534) соответствует ц.-сл. **проходна** с тем же значением (Filin (gl. red.) 1995, 20, s. 280). А дальше начинается непонятный фрагмент – **нарекътѣ, ранюжьналожя** в Геннадиевской библии и **наре** (перенос на следующую строку) **пѣ, рѣн южь наложа** в Острожской. Думается, что в данном случае можно найти ответ, сравнив **арекътѣ рѣн** с греческим оригиналом $\alpha\rho\kappa\tau\omicron\upsilon\rho\omega\nu$ и увидев поразительное совпадение. Как известно, в Геннадиевской библии для книги Иова использован древний околемефодиевский перевод. Как выглядел протограф, с которого переписывали, насколько он был неповрежден? Возможно, переписчик не только механически переписал поврежденный фрагмент, но и постарался обнаружить народно-этимологическую связь с формой глагола **нареци**, а в Острожскую библию кусок попал еще в более искаженном виде. Синтагме же $\tau\alpha\rho\iota\epsilon\iota\alpha\ \nu\omicron\tau\omega\upsilon$, где $\tau\alpha\rho\iota\epsilon\iota\omega\nu$ ‘кладовая’, $\nu\omicron\tau\omega\varsigma$ ‘юг’, соответствует конструкция **южьналожя** (**южь наложа**), поскольку **ложе** может иметь значение ‘нора, берлога, гнездо’, также ‘матка (в женском организме)’ (Sreznevskii 1902, 2, s. 43), то есть обозначать укромное, скрытое пространство.

Скорина, видимо, также не поняв запутанную часть отрывка, контаминировал его с текстом Венецианской библии, оставив, однако, ц.-сл. формы власожелци _ипроходню.

3.1.2. Приведенный выше перевод, осуществленный Скориной, показывает, что необходимость поиска более точных соответствий для мало-понятных чтений часто вынуждала переводчиков выходить за пределы актуальных канонических контекстов и искать более удачные варианты перевода в переводных версиях других конфессий.

3.1.2.1. Так, например, стих Иов 1.1 в рассматриваемых библиях выглядит следующим образом:

Vil. ѿ быль мъжь ѡныи цѣль ѿ прѡ^м ѿ богобоень ѿ ѡстѣпаѡ ѡ зла;

Bud. á muž ten był doskonały / cnotliwy / y bogoboyny / á chroniący się złości;

Radz. a człowiek ten był uprzejmy, dobry i pobożny, a chroniący się złości;

Ostrog. вѣ члѣкъ тѡи, ѿстиненъ непороченъ праведенъ, вѣгочестивъ, оудаласѡ ѡвсакого зла дѣаніѡ;

Skor. ѿвѣше человекъ той непороченъ ѿправеденъ благочестивъ, ѿ ѿстиненъ · боѡйсѡ бога ѿдаласѡ ѡ всакого зла дела.

В переводе Книги Иова из Виленского ветхозаветного свода обращает на себя внимание лексема **цѣль**, поскольку она наиболее точно передает семантику др.-евр. **קָדָם** ‘идеальный, полный, целый’ (Brown etc. 1951, p. 1070), причем как в физическом, так и моральном смысле (ср. там же ‘чистый этически и морально’). Это является еще одним доказательством того, что создатель(и) перевода для нужд иудейской общины был знаком с кирилло-мефодиевской традицией (см. Kozhinova, Surkova 2013), поскольку ст.-сл. **цѣль** приобретает это значение уже в памятниках узкого канона (Blagova, E. i dr. (red.) 1994, s. 773) и последовательно продолжает реализовывать его в церковнославянских текстах.

Как видно, церковнославянский перевод Острожской библии (ср. также в Геннадиевской – **вѣ члѣкъ тѡи, ѿстиненъ непороченъ праведенъ, вѣгочестивъ оудаласѡ ѡвсакого зла дѣаніѡ**) не использует эту возможность. Это, как и в предыдущем случае, также обусловлено оригинальным текстом – LXX, – где представлено греч. ἀληθινός ‘истинный, подлинный, настоящий’ (Dvoretiskii 1958, I, s. 78).

В этой части рассматриваемого стиха за церковнославянской версией следует и Франциск Скорина.

Если говорить о польских переводах, то, несмотря на то, что создатели обеих версий прокламировали использование древнееврейского оригинала, ближе к его структуре подошел Симон Будный, ср. *doskonały* ‘безупречный, идеальный’ в прямом и переносном смысле (SPXVI (Zasób elektroniczny 2)). В то же время для *uprzejmy* (версия Радзивилловской библии) *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku* указывает только значение ‘сердечный’ (e-SXVII) (следует сказать, что и в Библии Ж. Кальвина, в использовании которой Будный обвинял брестских переводчиков, стоит форма *entier* ‘сплошной, целый’ (Calv. 669)).

В данном случае можно отметить, что все переводчики имели здесь большие возможности для семантических вариаций, поскольку два первых прилагательных в определении Иова имеют пересекающиеся семантические сферы положительной оценки, ср. **בָּרָא** ‘идеальный, полный, целый, чистый этически и морально’ и **יָשָׁר** ‘прямой, правильный’, а также ‘честный’ (Brown etc. 1951, p. 448). Поэтому в версиях, создатели которых использовали масоретский текст, встречаем следующую комбинацию лексем – **צָבֵלַף יְיָ פְּרָאֵם**^а (Vil.), где представление ближе к первичному значению лексем, *doskonały / snotliwy* (Bud.), где представлено дальнейшее значение лексем, ср. *snotliwy* ‘полный достоинств, хороший, честный’, и *uprzejmy, dobry* (Radz.), дальше всего отстоящее от оригинала.

В Острожской библии обращает на себя внимание большее количество предикативных определений, поскольку двум, представленным выше, здесь соответствуют три лексемы: **й̑стинненъ непороченъ праведенъ** (Ostrog.), что передает фрагмент LXX – ἀληθινός ‘истинный, подлинный, правдивый’, ἀμεμπτος ‘безукоризненный, безупречный, непорочный’, δίκαιος ‘праведный, справедливый, честный’.

Различия между Острожской и Геннадиевской библиями в этом стихе присутствуют в форме **б̑гочестивъ** (Ostrog.), при том что в Геннадиевской библии здесь присутствует форма **б̑гочьствивъ**. Известно, что „для старославянского языка в целом характерно параллельное употребление в одном значении и часто при одинаковых греч. соотв. сложений и словосочетаний с однокорневым словом... Например: ... *благочьствивъ, богочьствивъ* и *чьствивъ, чьствивъ*” (Tseytlin 1977, s. 280). При этом трудно сказать, какой вариант лучше представляет оригинал LXX, поскольку для греч. θεοσεβής указывается как значение ‘богобоязненный’, так и ‘благочестивый’ (Taylor 2009, p. 274), хотя его внутренняя форма свидетельствует, скорее, о производности второго значения.

Можно ли здесь наблюдать возможное влияние Библии Скорины (как это отмечается исследователями для Песни Песней (Aleksiev 1999, s. 245), где также представлена форма **благочестивъ**? Трудно сказать, поскольку у Скорины масоретскому сочетанию **יִרְאָה אֱלֹהִים** ‘боящийся Бога’, представленному в данной части стиха, и греч. θεοσεβής соответствуют целых две позиции: помимо упомянутой формы, еще и **во̑миса вога**. И это достаточно любопытно, поскольку позволяет предположить контаминацию околемефодиевского перевода и перевода Венецианской библии, которой Скорина следовал также при работе над другими текстами Ктувим (Екклесиастом и Книгой пророка Даниила). В Венецианской библии с легкостью обнаруживаем указанный фрагмент:

Ven. – a byl ge ten muž profitý a upziemý. a bog fe boha. a odcházeye od zlého.

Сочетание **וִירָא אֱלֹהִים** ‘боящийся Бога’, помимо перевода Скорины, было точно отражено в переводе Виленского ветхозаветного свода и в Библии Симона Будного.

Перевод последнего фрагмента приведенного стиха достаточно одинаков по всем версиям, представляя др.-евр. **וְיָרָא אֱלֹהִים** ‘удалялся от зла’ и греч. ἀλεχόμενος ἀπὸ παντὸς πονηροῦ πράγματος ‘держась вдали от всякого злого дела’. Подобное единодушие привлекает особое внимание в случае Радзивилловской библии и перевода Симона Будного, совпадающих практически добуквенно. Как представляется, оно может означать, что последний воспользовался версией брестских переводчиков.

Известно, что Будный внимательно изучал этот перевод, главным образом, с целью обнаружения несоответствий. Однако, несмотря на найденные ошибки, „второканонические книги из Брестской библии 1563 г. с небольшими изменениями были перепечатаны вместе с Новым Заветом в переводе Будного от 1570 г. Этот же текст второканонических книг, которые сектанты считали апокрифами, представлен в Библии Сымона Будного от 1572 г.” (Pietkiewicz 2003, s. 234). Что же касается Книги Иова, то в ней обнаруживается достаточно много полных совпадений между двумя названными библейскими версиями. Это наблюдается, например, при переводе стихов, содержащих *hapaх legomena*, и потому трудных для толкования и предполагающих различные возможности представления.

3.1.2.2. Вот только один пример, иллюстрирующий это. Стих Иов 4.10 в Виленском ветхозаветном своде переведен следующим образом:

Vil. кричь лютого њ голѡ скимно⁶ њ зѡбы молодых лютых скриготали.

В данном случае наблюдается некоторая неточность в переводе последнего глагола – *hap. leg.* **וְרָעַ**, – который в породе Niphal принято переводить со значением ‘быть разрушенным, иметь вырванные зубы’, предполагая здесь или арамейскую форму, или текстовую ошибку (Brown etc. 1951, p. 683). Это значение поддерживается происхождением от глагола ‘сносить, разрушать, вырывать (зубы)’, что находит отражение в переводе Симона Будного и в Радзивилловской библии, тексты которых снова дословно совпадают:

Radz. (Bud.) Ryk lwi i głos lwice i zęby lwiaąt wyrwane są.

Следует сказать, что именно такой перевод фрагмента рекомендован крупнейшим средневековым комментатором Талмуда Раши, ср.: „**לְרַי** – это старый, **לְרַשׁ** – это средний, **לְרַבִּיר** – это львенок; все они ошибались, т.е. короли, принцы и рабы; все эти имена – это имена львов” (The Complete Jewish

Bible with Rashi Commentary (Electronic resource 3)) (Kozhinova, Surkova 2019, s. 17). Подобное представление из классических версий представлено только в Вульгате: *Rugitus leonis et vox leaenae et dentes catulorum leonum contriti sunt.*

И за этим переводом, скорее всего, транслированным через Венецианскую библию, идет Франциск Скорина, ср.:

Ског. риканиѣ львово ѿгласѣ львици, ѿзубы львенатѣ львоуохѣ сокрушени суть
Ven. rzwanije lwa. a hlas lwicze. a zubowé lwijczat lwuow fetrzyeni fu.

Здесь он полностью отходит от того, что представлено в Острожской и Геннадиевской библиях, ср.:

Ostrog. сила львова, гласѣ же львица, хваленіе же змѣево оѿгасѣ
Genn. сила лвова, глсѣ же лвица, хваленіе же змѣево ѿгасѣ

Этот перевод соответствует тексту LXX – σθένος λέοντος φωνή δὲ λεαίνης γαυρίασα δὲ δρακόντων ἐσβέσθη.

4.1. Таким образом, опыт предварительного исследования нескольких переводных версий Книги Иова, выполненных представителями разных конфессий во II половине XV–XVI вв., дает основание полагать, что изучение приемов гармонизации новых переводов относительно исходных контекстов, в которых создавались различные части Ветхого Завета, имеет особое значение для современной библеистики, при этом результаты исследования будут зависеть от того, в каком измерении – синхронном или диахроническом – анализируется конкретный контекст. Влияние, которое оказывали друг на друга переводы разных конфессий, свидетельствует о том, что границы канонических контекстов всё же нарушались, особенно в случае с переводом фрагментов с затемненным смыслом.

Принятые сокращения

Bud. – *Biblia, to iest księgi Starego i Nowego przymierza z nowu z ięzyka ebrejskiego, greckiego, łacińskiego przełożona z przedmową S. Budnego, jako tłumacza.* Nieśwież 1570; Zasław 1570–1572;

Calv. – *La Bible Française de Calvin: livres des Saintes Ecritures traduits ou révisés par le réformateur tirés de ses oeuvres et accompagnés de variantes d'autres versions du 16e siècle par Edouard Reuss. Tome premier. Livres de l'Ancien Testament.* Paris 1897.

Genn. – *Gennadiyevskaïa bibliïa* 1499 g.

Ostrog. – *Bibliïa.* Ostrog 1581.

Radz. – *Biblia Świąta, to iest księgi Starego y Nowego Zakonu własnie z żydowskiego, greckiego i łacińskiego na polski język z pilnością i wiernie wyłożone.* Brześć Litewski 1563.

- Skor.* – Faksimilnae ūznaŭenne Biblii, vydadzienaŭ Francyskam Skarynaŭu ū 1517–1519 h.h. T. 3. Minsk 1991.
- Sin.* – *Sinaŭskaia Psaltry'*: Glagolicheskii pamiatnik XI v., podgotovil k pechati Sergei Sever'ianov, Petrograd 1922.
- Ven.* – *Biblij Czesk W Bentkach tissfen.* Venezia 1506.
- Vil.* – **ЇЎВЪ** (BAN Litvy, F 19–262, L. 12–30ob.).
- Wuj.* – *Biblia w przekladzie J. Wujka z 1599 r. Transkrypcja typu B.* Warszawa 2000.

Библиография

- Alekseev, A.A. (1999). *Tekstologa slavanskoi Biblii.* Kln–Weimar–Wien–Bhlau–Sankt-Peterburg. (Bausteine zur slavischen Philologie und Kulturgeschichte, Neue Folge, Reihe A: Slavistische Forschungen 24).
- Blagova, E. i dr. (red.) (1994). *Staroslavanskii slovar' (po rukopisam X–XI vv.).* Moskva: Russkii azyk.
- Blue letter Bible.* Mode of access <https://www.blueletterbible.org/lang/lexicon/lexicon.cfm?Strongs=H3650&t=KJV> [date of access: 21.03.2019].
- Brown, F., Driver S.R., Briggs C.A. (1951). *Hebrew and English Lexicon of the Old Testament.* Corrected by G.R. Driver. Oxford.
- Childs, B.S. (1970). *Biblical Theology in Crisis.* Philadelphia, PA: The Westminster Press.
- Childs, B.S. (1979). *Introduction to the Old Testament as Scripture.* Philadelphia, PA: Fortress Press.
- Childs, B.S. (1985). *Old Testament Theology In A Canonical Context.* Philadelphia, PA: Fortress Press.
- Dvoretiskii, I.KH. (1958). *Drevnegrechesko-russkii slovar': v 2 t.* Moskva: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovar'eĭ.
- Filin, F.P. (gl. red.) (1982). *Slovar' russkogo azyka XI–XVII vv.* Vyp. 1 – ... Moskva: Nauka. [izd. prodolzhaetsa]
- Florovskii, A.V. (1946). Cheshskaa Biblia v istorii ruskoĭ kul'tury i pis'mennosti: Fransisk Skorina i prodolzhateli ego dela, *Sbornik filologickyĭ*, XII, 153–258.
- Gesenius, W. (1882). *Hebrew and Chaldee Lexicon to the Old Testament Scriptures.* 23 ed. Boston–Cambridge.
- e-SXVII – *Elektroniczny sownik jzyka polskiego XVII i XVIII wieku*, red. W. Gruszczyński, Warszawa (<https://sxvii.pl>). Pozyskano z https://sxvii.pl/index.php?strona=haslo-&id_hasla=13352&forma=UPRZEJMY#13352. [data dostępu: 28.02 2020].
- Ivanov, V.V. (2003). Slavanskiĭe dialekty v sootnoshenii s drugimi azykami Velikogo knazhestva Litovskogo. V: A.M. Moldovan (red.). *Slavanskoe azykoznanie: XIII Mezhdunarodnyi sezd slavistov. Lubliana, 2003 g.: Doklady rossiĭskoi delegatsii* (258–288). Moskva: Indrik.

- Kozhinova, A., Surkova, E. (2019). Bibleiskie hapax legomena v refleksii perevoda (na materiale Knigi Iova iz Vilenskogo vetkhozavetnogo svoda (F 19–262) i pol'skikh biblii XVI v.), *Slavistica Vilnensis*, 64 (1), 10–25.
- Kozhinova, A., Surkova, E. (2013). Lingvisticheskaia refleksia v rannem vostochnoslavianskom perevode Knigi Daniila iz Vilenskogo vetkhozavetnogo svoda (F 19–262) V: N.N. Zapol'skaia (red.). *Lingvisticheskaia epistemologiya: istoriya i sovremennost' / XV Mezhdunarodnyi s'ezd slavistov. (Minsk, Respublika Belarus', 20–27 avgusta 2013 g.)*. (64–94). Minsk: PrintLayn.
- Kozhinova, A., Surkova, E. (2018). Eshchë raz ob angele (K interpretatsii nekotorykh semitizmov v Knige Daniila iz Vilenskogo vetkhozavetnogo svoda (F 19–262)). V: E.N. Rudenko (red.). *In Honorem: sbornik statei k 90-letiiu A.E. Supruny (111–120)*. Minsk: RIVSH.
- Lange J.P. (1872). *Lange's Commentary on the Holy Scripture (Volume 3: Job to Ecclesiastes): Commentary on the Holy Scriptures, Critical, Doctrinal and Homiletical*. New York: Charles Scribner's Sons.
- Lassen, A.L. (1946). *The commentary of Levi Ben Gerson (Gersonides) on the Book of Job*. New York: Bloch Publishing Company.
- SPXVI – *Słownik polszczyzny XVI wieku*, red. M.R. Mayenowa. *Wersja elektroniczna*. (Zasób elektroniczny 1) Pozyskano z <https://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/5907#znaczenie-15> [data dostępu: 28.02 2020]. (Zasób elektroniczny 2) Pozyskano z <https://spxvi.edu.pl/indeks/haslo/49333> [data dostępu: 28.02 2020].
- Nemirovskii, E.L. (1990). *Franšisk Skorina: Zhizn' i deiatel'nost' belorusskogo prosvetitelja*. Minsk: Mastatskaia literatura.
- Pietkiewicz, R. (2003). *Pismo święte w języku polskim w latach 1518–1638. Sytuacja wyznaniowa w Polsce a rozwój edytorstwa biblijnego*. Wrocław: praca doktorska.
- Sidorenko, A.K. (2009). Problema perevoda Biblii v perepiske Avgustina i Ieronima, *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 3, Obshchestvennyie nauki, 3 (69), 104–116.
- Sreznevskii, I.I. (1890–1912). *Materialy dlia slovariâ drevnerusskogo iazyka po pis'mennym pamiatnikam*: v 3 t., Sankt-Peterburg: Otdeleniie russkogo iazyka i slovesnosti Akademii nauk.
- Taylor B.A. (2009). *Analytical Lexicon to the Septuagint: Expanded Edition*. Peabody: Hendrickson Publishers.
- Temchin, S.YU. (2011). Kirillicheski rukopisnyi uchebnik drevneevreiskogo iazyka (XVI v.) i Vilenski vetkhozavetnyi svod, *Knygotyra*. 57, 86–99.
- The Complete Jewish Bible with Rashi Commentary* (Electronic resource 1) Mode of access: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16440/showrashi>true [date of access: 20.05.2019]. (Electronic resource 2) Mode of access: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16405#showrashi=true [date of access: 20.02.2019]. (Electronic resource 3) Mode of access: https://www.chabad.org/library/bible_cdo/aid/16435/showrashi>true [Date of access: 20.02.2019].

- Temchinas, C. (2012). O vremeni i usloviiakh stanovleniia rus'koï movy v kachestve literaturnogo iazyka. V: I.E. Bahdanovič (red.), *Novae slova ũ movaznaŭstvie: materyjaly V Miŭnarodnaha kanhresa bielarusistaŭ "Novae slova ũ bielarusistycy" (20–21 maja 2010 h.)* (47–53). Mínsk: Chetyre chetverti. (Bielarusika = Albaruthenica; 31).
- Toporov, V.N. (1999). Martinas Mazhvidas v kontekste ego vremeni (k 450-letiŭ so dnŭa vykhoda v svet pervoi litovskoj knigi), *Slaviŭnovedenie*, 5, 25–32.
- Tseytlin, R.M. (1977). *Leksika staroslaviŭnskogo iazyka*. Moskva: Nauka.
- Veysman, A.D. (1899). *Grechesko-russkii slovar'*. Sankt-Peterburg: Izd. avtora.
- Vladimirov, P.V. (1888). *Doktor Frantsisk Skorina, iego perevody, pechatnye izdaniia i iazyk*. Sankt-Peterburg: Tipografiia Imperatorskoï Akademii nauk. (Obshchestvo lŭbitelei drevnei piŭmennosti i iskusstva).

РЕЗЮМЕ

Настоящая статья посвящена лингвистическим аспектам переводов Книги Иова в рамках их канонического контекста. Лексические соответствия древнееврейским, греческим или латинским оригиналам в церковно-славянском, польском и восточнославянском языках (проста(я) мова) сравниваются на материале Вильнюсского ветхозаветного свода (F 19–262) (ок. 1517–1533), Радзивилловской (Брестской) библии (1563), Несвижская Библия (1568–72) Симона Будного, Библия Франциска Скорины (1517–1519) и Острожской библии (1580–1581) Ивана Федорова. Установив сходство и различие между текстами оригинальной библейской культуры, переводчики церковной культуры создали новый синтез их интерпретаций, в том числе их экзегетических и культурных ценностей. С другой стороны, описывая переводы, параллельные оригинальному тексту на иврите или основному переводу, канонизированному церковью, можно увидеть тенденцию влияния и взаимосвязи между новыми переводами, принадлежащими различным конфессиям.

O KANONICZNYCH KONTEKSTACH TŁUMACZENIA BIBLIJNEGO (NA PODSTAWIE PRZEKŁADÓW KSIĘGI HIOBA (2. POŁ. XV–XVI W.0))

Niniejszy artykuł dotyczy aspektów językowych tłumaczeń Księgi Hioba w kontekście kanonicznym. Porównań leksykalnych z oryginałem hebrajskim, greckim lub łacińskim tłumaczeń, które powstały w języku cerkiewno-słowiańskim, polskim i ruskim (prosta(ja) mowa), dokonuje się na materiale Wileńskiego Kodeksu Starotestamentowego (F 19–262) (ok. 1517–1533), Biblii brzeskiej (Biblia radziwiłłowska) (1563), Biblii nieświeskiej (1568–1572) Szymona Budnego, Biblii Franciszka Skaryny (1517–1519) i Biblii ostrojskiej (1580–1581) Iwana Fiodorowa. Ustalając podobieństwa i różnice między

tekstami oryginalnej kultury biblijnej, tłumacze kultury kościelnej stworzyli nową syntezę swoich interpretacji, w tym też wartości egzegetycznych i kulturowych. Porównując tłumaczenia z oryginalnym tekstem hebrajskim lub podstawowym tłumaczeniem kanonicznym dla danego wyznania, można zobaczyć tendencję do wywierania wpływu i wzajemnych relacji między nowymi tłumaczeniami należącymi do różnych konfesji.

АЛЛА А. КОЖИНОВА

Белорусский государственный университет,
ул. Ленинградская, 20
220050, Минск, Республика Беларусь

ЕЛЕНА С. СУРКОВА

независимый исследователь
Торонто, Канада